

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Кошелев Владимир Сергеевич

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ИСТОКИ, ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Первая мировая война — одна из крупнейших в истории человечества, она длилась с 1 августа 1914 по 11 ноября 1918 г. В глобальный конфликт было вовлечено 38 государств. Два военно-политических блока, создававшихся на протяжении нескольких десятилетий, противостояли друг другу. С одной стороны, государства Антанты — Англия, Франция и Россия, с другой — Германия, Австро-Венгрия и их союзники (Центральные державы). Военные действия шли на суше и на море, на территории двух континентов — Евразии и Африки.

Ареной боевых действий были и белорусские земли, входившие в состав Российской империи. В российскую армию было призвано 17,6 млн человек, в том числе свыше 800 тыс. уроженцев Беларуси. Примерно каждый восьмой из наших соотечественников погиб в составе российской армии. Около 1,5 млн жителей Беларуси оказались вынужденными беженцами и были рассеяны по территории Российской империи [13, с. 41—49; 13, с. 28—31].

Масштабы войны до сих пор не перестают поражать. На полях сражений воевало до 70 млн человек, одетых в военную форму и обученных «искусству» убивать. Первая мировая война в угрожающих масштабах продолжила череду предыдущих войн, которых за последние пять с половиной тысяч лет произошло более 14,5 тыс. Они унесли не менее 3 миллиардов 540 миллионов человеческих жизней. Лишь 300 лет из минувших 35 веков истории человечества прошли без войн. Только на войны нынешнего столетия затрачено свыше четырех триллионов долларов. На них можно было бы более 50 лет кормить все население Земли.

В Первой мировой были убиты и умерли от ран свыше 10 миллионов человек, вдвое больше было искалечено, миллионы погибли от голода и болезней. Эта война унесла столько же человеческих жизней, сколько все европейские войны за тысячелетие до нее. Она оказалась в пять раз губительнее, чем все войны XVIII в., вместе взятые.

Война так и не разрешила всех противоречий между крупнейшими империалистическими государствами, а стала предпосылкой для новой, еще более страшной и разрушительной Второй мировой войны.

Долгое время проблематика Первой мировой войны была отодвинута на задний план. Главным образом потому, что находилась в тени еще более грандиозных и более трагических событий Второй мировой войны. И только в последние годы, в преддверии печального юбилея, стало заметным оживление интереса историков, да и широкой общественности, к мировому вооруженному противостоянию начала XX в. Особую актуальность ему придают современные локальные конфликты и крайнее обострение международной обстановки, попытки ревизии и откровенная фальсификация истории двух мировых войн. Ученые спорят о причинах Первой мировой войны, степени готовности к ней стран-участниц, ответственности за ее развязывание. Почему это событие случилось именно в начале XX в.? И как не повторить подобного в начале XXI в.?

Широко известно, что Первая мировая война явилась результатом противоречий между крупнейшими европейскими державами. Их соперничество из-за чужих территорий и рынков сбыта привело к столкновению и сделало общемировой конфликт неизбежным. Лидеры промышленности, финансисты, фабриканты, на чьих предприятиях производилось оружие, стремились получать всё более высокие прибыли. Политические деятели, выражавшие их интересы, ввергли мир в войну.

Непосредственным поводом к мировой войне стало убийство 28 июня 1914 г. наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда. Акт террора совершили члены подпольной организации (сербы по национальности, боровшиеся за присоединение Боснии к Сербии) в боснийском городе Сараево. Австро-Венгрия решила «проучить» прямо не причастную к террористическому акту Сербию и предъявила ей невыполнимые требования. С этого времени и до начала военных действий Австро-Венгрия и Германия предъявляли странам Антанты только ультиматумы.

28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии, рассчитывая на локальный военный конфликт. Россия, поддерживавшая Сербию и раньше, начала мобилизацию. Даже на этом этапе еще можно было избежать мировой войны. Однако Германия считала, что наступил благоприятный момент для того, чтобы расправиться с Францией на западе, пока медлительная Россия не развернула свои вооруженные силы на востоке. Она потребовала от России в ультимативной форме приостановить мобилизацию и, не дожидаясь ответа, 1 августа объявила ей войну. Затем

Германия предъявила ультиматум Бельгии, потребовав для своих войск свободного прохода к французской границе. 3 августа Германия объявила войну Франции. Как только немецкие войска перешли бельгийскую границу, Великобритания 4 августа объявила войну Германии. В результате путь к миру был отрезан. Европа на долгое время стала театром одной из самых кровавых битв в истории человечества.

До наших дней не умолкают споры об ответственности за развязывание Первой мировой войны. Современная дискуссия является продолжением той полемики, которая началась практически в начале войны, а затем разгорелась сразу после подписания Версальского договора в 1919 г. С началом мирового пожара странами-участницами были изданы официальные «цветные» книги, в которых объяснялись непосредственные причины войны. Это были: германская «Белая», британская «Синяя», российская «Оранжевая», бельгийская «Серая», сербская «Синяя», французская «Желтая» и, наконец, австрийская «Красная» книги. Во всех этих сборниках документов ответственность за развязывание войны возлагалась на противную сторону. Так, например, в германской «Белой книге» говорилось о том, что усилия Австро-Венгрии и Германии в июльские дни 1914 г. носили «исключительно оборонительный» характер. А вот Россия якобы «желала войны», и «русское правительство разрушило все посреднические усилия» Германии по ее недопущению [5, с. 19].

По окончании войны державы-победительницы, естественно, объявили виновниками мировой катастрофы Германию и ее союзников. В 231-й статье Версальского мирного договора говорилось: «Союзные и объединившиеся правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных союзными и объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников» [1, с. 84]. И действительно, Германия нарушила нейтралитет Бельгии, гарантом которого являлась вместе с другими европейскими державами. Она же первой объявила войну Франции и России, начала активные военные действия на западе.

В СССР закладывалась иная трактовка происхождения мировой войны. Один из первых советских исследователей данной проблемы известный историк-марксист М.Н. Покровский стремился доказать, что именно Россия являлась главной виновницей войны [10, с. 154—155, 407; 7, с. 6—7]. Насколько надуманной была такая позиция, свидетельствует признание самого Покровского в том, что в основе международных противоречий, вызвавших империалистическую войну, ле-

жал англо-германский конфликт, за которым (по значению) следовал германо-французский, а «самым слабым из всех конфликтов был конфликт, по существу, не русско-германский, а русско-турецкий из-за проливов» [10, с. 403, 407], то есть конфликт России с Турцией, за которой стояла Германия.

«Тенденциозно-разоблачительному подходу» М.Н. Покровского противостоял академик Е.В. Тарле, первоначально придерживавшийся другой крайности. Он обвинял в развязывании войны только германский империализм и лично кайзера Германии Вильгельма II [14]. При этом империалистическая позиция Великобритании, России, да и в целом Антанты не только затушевывалась, но и в ряде аспектов идеализировалась. Развернулась дискуссия, в которой приняли участие другие ученые [7]. Позицию М.Н. Покровского активно поддерживал Н.П. Полетика, опубликовавший по данной теме две книги [11; 12]. Односторонне интерпретируя архивные материалы, он стремился доказать непосредственную виновность России в конфликте, который был развязан на Балканах. Н.П. Полетика резко критиковал академика Тарле за то, что тот якобы игнорирует империалистический характер войны со стороны всех ее участников. Упрек этот был несправедливым, тем более что сам Н.П. Полетика придерживался германофильских позиций.

Между тем в своей книге «Европа в эпоху империализма» Е.В. Тарле отмечал, что «внешняя политика капитализма в обоих лагерях боющихся великих держав приняла окончательно наступательное обличье», после чего на очередь дня встала роковая «проба сил» [15, т. 5, с. 276]. Ученый реконструировал логику поведения и ход рассуждений руководителей германской и австрийской политики, приведшие к развязыванию мировой войны. Ситуация сложилась так, что Великобритании и Франции было «невыгодно, неудобно, рискованно» начинать войну летом 1914 г. Даже России, «где говорилось и писалось много воинственного и легкомысленного в последние месяцы, тоже невыгодно было немедленно выступить уже летом 1914 г.». Между тем политической элите Германии и Австро-Венгрии «показалось совсем верным и выгодным делом раздавить Сербию... если же Россия и Франция вмешаются в дело, то и для войны с ними лучшего времени может не найтись; не следует к этому открыто стремиться, но нечего этого и бояться: Англия, самый могучий из противников, не захочет и не сможет в данный момент воевать» [15, т. 5, с. 276]. И в заключение Тарле приходит к выводу о том, что «войну 1914 г. сделали неизбежной все великие державы, и те, которые объявили войну, и те, которым ее объявили» [15, т. 5, с. 282].

Затронул Е.В. Тарле и моральный аспект проблемы: «С точки зрения научного исследования самый спор о „моральной вине“ нелеп, ненужен, научно неинтересен... Обе комбинации враждебных держав были способны провоцировать вооруженное столкновение; обе стремились к завоеваниям; обе способны были в тот момент, который показался бы выгодным, зажечь пожар, придравшись к любому предлогу, который показался бы наиболее подходящим. В этом смысле, конечно, вожди Антанты несколько не превосходили в „моральном“ отношении вождей Австрии и Германии» [15, т. 5, с. 276].

В последующие десятилетия советские историки в духе Е.В. Тарле продолжали концептуально разрабатывать проблемы, связанные с возникновением Первой мировой войны, склоняясь к тому, что именно позиция Германии и Великобритании, борьба за мировое господство оказали влияние на возникновение всемирной катастрофы. Следуя ленинской теории империализма, А.С. Ерусалимский писал: «Мировая война возникла вовсе не случайно, не внезапно и не в результате того, что дипломатия не сумела справиться со своей задачей — предотвратить ее... Война готовилась давно, в течение нескольких десятилетий, хотя никто заранее не знал точно, когда именно она начнется, когда и как кончится. Даже генеральные штабы, разрабатывая свои стратегические планы, не смогли предугадать ни ее сроков, ни подлинных масштабов, какие она примет, ни числа жертв, каких она потребует, ни, тем более, ее результатов — экономических, социальных и политических» [4, с. 197]. И далее: «Развязывая войну, правящие круги Германии утверждали, что они исходят из высших соображений: „разорвать гибельное кольцо „окружения Германии““, предотвратить угрозу нападения со стороны России и ее союзницы — Франции, а главное — выполнить свой долг „нибелунговой верности“ по отношению к союзнице — Австро-Венгрии, которой „славянская опасность“ угрожала в первую очередь» [4, с. 199 — 201]. Ю.А. Писарев также считал Германию и Великобританию главными вершителями судеб Европы. «Именно позиция этих государств, борьба за мировое господство оказали влияние на возникновение всемирной катастрофы» [9, с. 5], — подчеркивал он.

Небезынтересно отметить, что выводы советских историков во многом совпадали с оценками одного из наиболее ярких представителей русского зарубежья генерала А.И. Деникина. В своей книге «Путь русского офицера» (Нью-Йорк, 1953) Деникин категорически утверждал, что «теперь уже можно сказать, что бесспорная вина за Первую мировую войну лежит на центральноевропейских державах» [3, с. 227]. «Бурный подъем германского „промышленного империализма“» он рассматривал «в прямой связи с особым духовным складом немцев,

признававших за собою „историческую миссию обновления дряхлой Европы“ способами, основанными на „превосходстве высшей расы“ над всеми остальными». «Причем немцы, — подчеркивал он, — без стеснения высказывали свой давний взгляд на славянские народы как на „этнический материал“, или еще проще, как на „Dungervolker“ — т. е. навоз для произрастания германской культуры. Таким же, впрочем, было презрение и к „вымирающей Франции“, которая должна дать дорогу „полнокровному немцу“». И все это, по мнению Деникина, венчает «старый лейтмотив пангерманизма: „Мы организуем великое насильственное выселение низших народов“» [3, с. 227 — 228]. Но «поперек австро-германских путей стояла Россия, с ее вековой традицией покровительства балканским славянам, с ясным сознанием опасности, грозящей ей самой от воинствующего пангерманизма, от приближения враждебных сил к морям Эгейскому и Мраморному, к полуоткрытым воротам Босфора. Поперек этих путей стояла идея национального возрождения южных славян и весьма серьезные политические и экономические интересы Англии и Франции» [3, с. 229].

Не было однозначного подхода и в англоязычной историографии. В соответствии с духом Версальского договора в ней изначально преобладала версия безусловной ответственности Германии за развязывание Первой мировой войны. Однако единомыслия не было. Так, англичанин Дж. Гуч в книге «Накануне войны» пытался доказать, что война в 1914 г. возникла случайно, а английского министра иностранных дел Грея и германского рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега изображал «великими джентльменами, искренне влюбленными в мир» [22, р. 284]. В таком же духе рассуждал американский историк С. Фей, преувеличивавший значение персонального фактора среди причин Первой мировой войны. Пацифист с германофильским уклоном, он стал крупнейшим представителем данного направления в историографии. Его книга «Происхождение мировой войны», изданная в 1928 г., была переведена на русский язык в 1934 г. Фей проводил различие между глубинными и непосредственными причинами войны, исходил из того, что войну вызвала «система тайных союзов», которую создавали люди, находящиеся у власти. Поэтому он сосредоточил внимание на их роли в возникновении войны, считая необоснованным социологический подход. Углубившись в психологический анализ событий, Фей недооценивал значение англо-германского и франко-германского антагонизма в возникновении войны [18, с. 5—23]. Его версия по существу означала ревизию ставших привычными на Западе интерпретаций причин войны 1914—1918 гг. [4, с. 180—194].

Еще дальше в ревизионистском направлении пошел американский историк, писатель и публицист Г. Барнс (Harry Elmer Barnes). Из воинствующего германофоба в годы войны он превратился в послевоенный период в яркого германофила, пришедшего к выводу, что в Первой мировой войне США воевали не на той стороне [28, р. 86]. Исследования Барнса о генезисе мировой войны щедро оплачивались германским министерством иностранных дел. Последнее в стремлении поставить под сомнение Версальский мирный договор пыталось доказать, что не Германия начала войну. Барнс настаивал на том, что Германия не только не несет никакой ответственности за мировую войну, но и более того — стала жертвой стран Антанты, и прежде всего франко-русского заговора. В книге «Генезис мировой войны: введение в проблему об ответственности за развязывание войны» он утверждает, что мировая война была результатом франко-русского заговора с целью разрушения Германии, следовательно, считает он, война против Германии была «несправедливой». При этом Барнс пытается распределить вину за развязывание войны следующим образом: «Оценивая степень вины различных стран, мы можем с уверенностью сказать, что самая прямая и непосредственная ответственность за развязывание мировой войны, с виной примерно поровну разделенной, ложится на Сербию, Францию и Россию. Далее по порядку, но значительно ниже Франции и России, идет Австрия, которая никогда не стремилась к общеевропейской войне. Наконец, на последнее место поставим Германию и Англию, которые были против войны в период кризиса 1914 г. Правда, немецкая общественность была несколько более благосклонной к военной активности, чем англичане, зато ... кайзер принимал более энергичные усилия для сохранения мира в Европе в 1914 г., чем это делал сэр Эдвард Грей» [28, р. 88].

Пожалуй, наибольшую остроту обсуждение вопроса об ответственности за войну приобрело в потерпевшей поражение Германии. В 1918 г. марксистский теоретик К. Каутский приступил к подготовке обширной публикации документов о возникновении мировой войны. Каутский признавал наличие серьезных империалистических противоречий в предвоенный период, рассматривая стремление к территориальной экспансии европейских держав в качестве важной предпосылки для войны. Но это, по его мнению, само по себе не могло объяснить ее возникновения. Каутский утверждал, что в развязывании войны виноваты конкретные социально-политические учреждения и определенные люди (неспособные, легкомысленные или карьеристские), стоявшие во главе Германии и «безрассудно втянувшие немецкий народ в авантюру» [24, S. 36; 16].

Однако идеи Каутского не получили дальнейшего развития. Власти Веймарской республики взяли курс на ревизию обвинительного Версальского договора с целью прекращения выплаты репарационных платежей. Министерство иностранных дел активно поддерживало и финансировало тех историков и публицистов, усилия которых были направлены на опровержение «лжи о вине» Германии (“Schuldlüge”) за развязывание Первой мировой войны. Чтобы убедить мир в немецкой невиновности, были созданы научно-исследовательские структуры для сбора документов, опубликованы книги и основаны специальные журналы. Как отмечает современный немецкий исследователь, «масштабы „обмана Клио“, совершенного правительством, и прежде всего Министерством иностранных дел, сегодня едва ли можно представить» [27]. Воинствующая пропаганда идеи оборонительной войны оказалась весьма результативной. К началу 1930-х гг., тем более в нацистский период, едва ли кто-либо из немцев верил в ответственность Германии за развязывание войны.

Между тем и за рубежом на самом высоком уровне наметилась ревизионистская тенденция, что придавало дополнительный импульс немецкой пропаганде тезиса о невиновности Германии. В 1933 г. бывший британский премьер Д. Ллойд Джордж, один из архитекторов Версальской системы международных отношений, издал весьма любопытные «Военные мемуары». В них известный политик по существу отказался от серьезного анализа предпосылок мирового конфликта. Ллойд Джордж бездоказательно утверждает, что для него, как и для многих других, война якобы была полной неожиданностью: летом 1914 г. Европа как-то быстро и «легкомысленно соскользнула в кипящий котел войны» [25, р. 32]. Отвечая на вопрос, кто виноват, он пишет, что никто из правителей или государственных деятелей «не хотел войны» — ни «тщеславный кайзер», ни «слабый и простодушный, но искренний русский царь», ни «финансисты» [25, р. 34, 45]. Ответственность за развязывание мировой бойни Ллойд Джордж возлагает в первую очередь на «высшее военное командование» Австрии и России, а также (трудно поверить в это!) на «народные массы, охваченные военной истерией» и «призывающие к войне во всех европейских столицах» [25, р. 38, 39]. Следовательно, не империалистические противоречия привели к войне, а некие обстоятельства, случайные факторы или допущенные ошибки, за которые никто не мог нести прямой ответственности.

Таким образом, в межвоенный период в стране возобладал тезис о невиновности Германии в развязывании Первой мировой войны и ее

оборонительном характере для Германии. Немецкие историки утверждали, что накануне 1914 г. государственное руководство Германии вообще не стремилось к войне. При этом внимание акцентировали на агрессивных целях стран Антанты. В условиях активизации нацизма и реваншизма в Германии крах вильгельмовской Германии изображался как неизбежное следствие «заговора» других держав против находившейся на подъеме молодой немецкой нации.

Развивая эти идеи, видный немецкий историк Г. Онкен сделал следующие выводы:

- Германия преследовала до 1914 г. сугубо мирные цели;
- именно державы Антанты вызвали мировую войну, чтобы подавить немецкую нацию;
- французская политика реванша, стремление Парижа к установлению границы по Рейну были одной из решающих причин возникновения войны;
- подстрекательством к войне занималась и Великобритания, после того как ее внешнюю политику возглавил Грей;
- только царская Россия не имела исторически обоснованных военных целей в отношении Германии, но, объявив всеобщую мобилизацию, она своей политикой в конечном счете и спровоцировала войну (см. [29], [16]).

И только после Второй мировой войны немецкий историк из ФРГ Ф. Фишер, на наш взгляд, убедительно доказал, что целью германской политики было превращение Германии в мировую державу. Германия планомерно подготавливала войну и сознательно ее развязала в июле 1914 г. Его однозначный вывод заключался в том, что «основная часть исторической ответственности за развязывание всеобщей войны ложится на германское имперское руководство» [20, S. 97]. Более того, ученый считал, что в Первой мировой войне Германия преследовала те же цели, что и во Второй мировой войне.

Публикации Ф. Фишера, особенно «Стремление к мировому могуществу» (1961) [20] и «Война иллюзий» (1969) [21], стали предметом достаточно острых и эмоциональных дискуссий. Крайнее неприятие со стороны научных кругов, да и в целом западногерманской общественной мысли, вызвало положение Фишера о преемственности германской внешней политики от кайзеровской империи до фашистского рейха. Фишера обвиняли в антипатриотизме, называли клеветником. Его противники были поддержаны на высшем политическом уровне, включая тогдашнего канцлера ФРГ Людвиг Эрхарда. Одним из самых неприимых оппонентов Фишера среди ученых был известный немецкий

историк Г. Риттер, который считал, что Фишер для него «больше не существует как коллега» [26]. Однако аргументы Риттера не столько опирались на документальную базу, сколько апеллировали к здравому смыслу: мол, в окружении стран Антанты «только правительство авантюристов могло думать о том, чтобы провоцировать войну для „достижения мирового могущества“ и гегемонии» [31, S. 15—16]. Со временем возникло историографическое направление, связанное с разработкой концепции Фишера и дискуссиями между его сторонниками и противниками как в самой Германии, так и за ее пределами. Для обозначения этого направления появился специальный термин «Fischer-Kontroverse» — «Фишер-дискуссия». Последняя нашла свое отражение даже в учебной литературе для старших классов общеобразовательных учреждений ФРГ. Достаточно сослаться на учебное издание под названием «Эпохи и структуры» (1996), в соответствующем разделе которого по истории Первой мировой войны содержится краткое описание концепции самого Фишера и дискуссионные материалы, почерпнутые из научной литературы [19, S. 211—212, 222—224]. В целом же, несмотря на наличие сторонников Фишера, большинство исследователей в Германии по-прежнему продолжают придерживаться тезиса о миролюбивом характере предвоенной политики Германии, считая, что и сама Первая мировая война была для нее войной оборонительной.

Данное обстоятельство особенно ярко свидетельствует о том, насколько актуальной для немцев представляется проблематика, связанная с участием Германии в Первой мировой войне. Причем ее актуальность определяется не только трагическим прошлым, что вполне естественно, но и обострением международной обстановки на современном этапе с участием Германии — точно так же, как это было накануне Первой мировой войны.

В этой связи небезынтересно мнение немецкого историка А. Вайперта. В одной из своих публикаций он отмечает, что критический подход Ф. Фишера к прошлому вполне «уместен и в отношении сегодняшнего дня», и прежде всего потому, что «Германия вновь ведет войны, прикрываясь, как и прежде, мнимыми оборонительными целями» [32]. При этом Вайперт не без оснований ссылается на заявление министра обороны ФРГ П. Штрука (2004), в котором тот отметил, что безопасность Германии «защищается не только здесь, но и на Гималаях» и что Бундесвер «является крупнейшим движением мира Германии» [23].

Что касается французской историографии, то в ней безоговорочно превалирующим было антантофильское направление. Ярким представителем этого направления являлся известный специалист по истории

международных отношений П. Ренувен. Его основная идея заключалась в том, что решающим фактором в развязывании мировой войны были национальные и политические мотивы, а также, не в меньшей степени, «коллективные страсти». Укрепление англо-франко-русской Антанты было лишь реакцией на возрастающую агрессивность Германии, которая стремилась развязать войну [30].

Таким образом, совершенно очевидно, что проблема ответственности намного сложнее, чем считалось первоначально. Большинство историков стало придерживаться точки зрения, что в развязывании Первой мировой войны в той или иной степени виновны все главные ее участники, но Германия — в наибольшей степени.

Приведем в этой связи небезынтересные наблюдения одного из современников: «...На самом деле никто не знает, почему начинаются такие конфликты, и уж тем паче не ведает, как можно гарантированно этого избежать. Наивно думать, что нелепый выстрел в Сараево перессорил всю Европу. Сжималась мировая, какая-то метафизическая бессовская пружина. Может, Лев Гумилев и смог бы это доходчиво объяснить, но тогда бессильно вскипали лучшие умы. Министр иностранных дел Российской империи Сергей Сазонов в своих воспоминаниях, где описывал попытки России избежать в 1913 году военной эскалации и воззвать к здравому смыслу германское высшее руководство, честно признавался, что ничего ни понять, ни поделывать не может. Целые страны, казалось, лишались рассудка. Не было политических или экономических фатальностей, ведущих к войне. Но всё к войне шло само по себе. Будто какой-то дьявольский деэволюционный механизм стравливал нации. Война случилась потому, что она была по неведомой нам, но по какой-то весьма веской причине неизбежна» [2].

Несколько слов о новом облике Первой мировой войны и ее итогах. Говоря об этом, следует учитывать ряд факторов, изменивших традиционный характер войны. Определяющую роль сыграл научно-технический прогресс, который привел к созданию оружия массового поражения. Зачастую уже не мужество солдат, а огневая мощь стала решать исход сражений. Применение тяжелых орудий, пулеметов, танков, самолетов, отравляющих газов и подводных лодок значительно расширяло границы военных действий, невероятно увеличивало количество убитых и раненых. Средства ведения войны, ее разрушительные масштабы вызвали настоящее смятение в умах современников.

Русский философ Л.М. Лопатин свидетельствовал в 1916 г.:

«Современный мир переживает огромную историческую катастрофу, — настолько ужасную, настолько коварную, настолько чреватую

самыми неожиданными перспективами, что перед ней немеет мысль и кружится голова... В свирепствующей теперь небывалой исторической буре не только реками льется кровь, не только крушатся государства, не только гибнут и восстают народы, — происходит нечто другое. Крушатся старые идеалы, блекнут прежние надежды и настойчивые ожидания... А главное — непоправимо и глубоко колеблется самая наша вера в современную культуру: из-за ее устоев вдруг выглянуло на нас такое страшное звериное лицо, что мы невольно отвернулись от него с отвращением и недоумением. И поднимается неотступный вопрос: да что же такое, в самом деле, эта культура? Какая ее моральная, даже просто жизненная ценность?» [8, с. 2—3].

Все большее значение приобретал тыл. Экономика воюющих держав в годы войны работала только на ее нужды. Производство оружия, особенно новых видов вооружений, достигло невероятных размеров. Только в Великобритании военные расходы в 1918 г. составляли 80 % государственного бюджета. Таким образом, огромные людские ресурсы использовались для нужд фронта. Война повлияла на судьбу не только солдат, но и значительной части населения. Эпоха вооруженных конфликтов, ограниченных несколькими полями сражений, безвозвратно ушла в прошлое.

В условиях тотальных военных действий особое значение приобрела пропаганда войны. В листовках, афишах и почтовых открытках — повсюду создавался положительный образ отечества и всячески очернялся враг. Работа пропагандистской машины воюющих государств стала исключительно совершенной в годы Второй мировой войны.

Говоря об итогах войны, следует отметить, что она коренным образом изменила облик Европы, да и всего мира. Распались Османская и Австро-Венгерская империи. Россия оказалась ввергнутой в хаос революции и гражданской войны. Возникло Советское государство во главе с большевистским правительством. Австрия и Германия стали республиками. На территории Европы образовались новые государства, добились независимости Польша, Чехословакия, Югославия, Латвия, Литва, Эстония и Финляндия. На обломках Османской империи была образована Турецкая республика и ряд арабских государств, оказавшихся под контролем Англии и Франции. Все германские колонии были поделены между странами Антанты.

Первая мировая война привела к концу европейской гегемонии. Центрами политической силы в мире стали Соединенные Штаты Америки, а со временем и Советский Союз. Война не разрешила всех противоречий между великими державами, что привело человечество ко Второй мировой войне.

В заключение отметим наиболее актуальные направления исследований по истории Первой мировой войны:

- постижение и рассмотрение войны во всемирно-историческом контексте, с применением к ее изучению метода «глобальной истории»;
- создание для всех приемлемой общей теории (концепции) происхождения Первой мировой войны;
- настоятельная необходимость коррекции и дальнейшей разработки теории империализма;
- феномен национализма, недооцененный не только политикой, но и наукой, огромный разрушительный потенциал которого обнаружился именно в эпоху империализма и в связи с мировой войной 1914—1918 гг.;
- выявление роли и политики малых наций;
- проблема генезиса Первой мировой войны; актуализация вопроса о виновниках войны;
- место и роль тыла, пропаганда, общественное мнение, повседневная жизнь людей в годы войны, в том числе на оккупированных территориях (в целом и на примере отдельных стран); проблема беженцев.

Библиографический список

1. Версальский мирный договор: полн. пер. с фр. подлинника / под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. — М.: Литиздат НКВД, 1925. — 197 с.
2. Голкин, Б. Двойка по истории / Б. Голкин // Конспект [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://contextap.ru/expert/140801124500.html>. — Дата доступа: 01.09.2014.
3. Деникин, А.И. Путь русского офицера / А.И. Деникин; предисл. Н.С. Тимашева. — М.: Современник, 1991. — 300 с.
4. Ерусалимский, А. С. Германский империализм: история и современность (Исследования, публицистика) / А. С. Ерусалимский. — М.: Наука, 1964. — 663 с.
5. Книга лжи. Германская белая книга о возникновении германо-русско-французской войны: по представленным Рейхстагу материалам / пер. [с нем.] Р. Маркович. — Пг.: Тип. т-ва «Екатерингоф. печ. дело», 1915. — 63 с.
6. Коваленя, А. Помнить уроки прошлого. К вопросу научной разработки истории Первой мировой войны / А. Коваленя // Беларус. думка. — 2013. — № 3. — С. 41—49.
7. Козенко, Б.Д. Отечественная историография первой мировой войны / Б.Д. Козенко // Новая и новейшая история. — 2001. — № 3. — С. 3—27.
8. Лопатин, Л. Современное значение философских идей князя С.Н. Трубецкого / Л. Лопатин // Вопр. философии и психологии. — 1916. — Кн. 131 (1). — С. 1—39.

9. Писарев, Ю.А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914—1915 гг. / Ю. А. Писарев. — М.: Наука, 1990. — 218 с.
10. Покровский, М.Н. Империалистическая война: сб. ст. / М.Н. Покровский. — М.: ГСЭИ, 1934. — 448 с.
11. Полетика, Н.П. Сараевское убийство. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903—1914 гг. / Н.П. Полетика. — Л.: Крас. газ., 1930. — 455 с.
12. Полетика, Н.П. Возникновение мировой войны / Н.П. Полетика; под ред. И. Ерухимовича. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. — 728 с.
13. Смольянинов, М. Трагедия народа: [о разрушительном характере Первой мировой войны] / М. Смольянинов // Беларус. думка. — 2008. — № 11. — С. 28—31.
14. Тарле, Е.В. Европа в эпоху империализма 1871—1919 гг. / Е. В. Тарле. — М.; Л.: Госиздат, 1927. — 483 с.; 2-е изд., доп. — М.; Л., 1928.
15. Тарле, Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871 — 1919 / Е.В. Тарле // Соч.: в 12 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 5. — 594 с.
16. Туполев, Б.М. Происхождение первой мировой войны / Б.М. Туполев // Новая и новейшая история. — 2002. — № 4. — С. 27—46 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NE-WHIST/WAR11.HTM>. — Дата доступа: 12.12.2014.
17. Уткин, А. И. Первая мировая война / А. И. Уткин. — М.: Алгоритм, 2001. — 592 с.
18. Фей, С. Происхождение мировой войны. Т. 1 / С. Фей; пер. с англ. С. Соколова и А. Сперанского; предисл. А. Попова. — М.: ГСЭИ, 1934. — 388 с.
19. Epochen und Strukturen: Grundzüge einer Universalgeschichte für die Oberstufe / Hrsg. von Imanuel Geiss, Rolf Ballof u. Renate Fricke-Finkelnburg. — Frankfurt am Main: Diesterweg, 1996. — Bd. II: Vom Absolutismus bis zur Gegenwart. — 568 S.
20. Fisher, F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18 / F. Fisher. — Düsseldorf: Droste, 1961. — 575 S.
21. Fisher, F. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914 / F. Fisher. — Düsseldorf: Droste, 1969. — 805 S.
22. Gooch, G.P. Before the War: studies in diplomacy / G.P. Gooch. — London: Longmans, 1938. — Vol. 2. — 447 p.
23. „Die größte Friedensbewegung Deutschlands“ [Elektronische Ressource]. — Regime des Zugangs: <http://www.faz.net/aktuell/politik/bundeswehr-die-groesste-friedensbewegung-deutschlands-1146197.html>. — Datum des Zugangs: 03.12.2014.
24. Jäger, W. Historische Forschung und politische Kultur in Deutschland: die Debatte 1914—1980 über den Ausbruch des Ersten Weltkrieges / W. Jäger. — Göttingen: Vandenhocck und Ruprecht, 1984. — 323 S.

25. Lloyd George, D. War Memoirs / D. Lloyd George. — London: Odhams Press, 1938. — Vol. 1. — 1067 p.
26. Mombauer, A. The Fischer Controversy 50 years on: Conference Report. — October 2011 [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.open.ac.uk/Arts/fischer-controversy/>. — Date of access: 28.11.2014.
27. Mombauer, A. Julikrise und Kriegsschuld — Thesen und Stand der Forschung / Aus Politik und Zeitgeschichte (16—17/2014) [Elektronische Ressource]. — Regime des Zugangs: <http://www.bpb.de/apuz/182558/julikrise-und-kriegsschuld-thesen-und-stand-der-forschung>. — Datum des Zugangs: 17.12.2014.
28. Mombauer, A. The Origins of the First World War: Controversies and Consensus / A. Mombauer. — London: Pearson, 2002. — 256 p.
29. Oncken, H. Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges / H. Oncken. — Leipzig: J. A. Barth, 1933. — Bd. 2. — S. 353—870.
30. Renouvin, P. Les Origines immédiates de la guerre: 28 juin—4 août 1914 / P. Renouvin. — Paris: A. Costes, 1925. — 277 p.
31. Ritter, G. Staatskunst und Kriegshandwerk: das Problem des „Militarismus“ in Deutschland: in 4 Bd / G. Ritter. — München: R. Oldenbourg, 1954—1968. — Bd. 3. — 707 S.
32. Weipert, A. Griff nach der Weltmacht. Eine Kontroverse spaltet die Republik. — Am 5. Oktober 2011 / A. Weipert [Elektronische Ressource]. — Regime des Zugangs: <http://dasdossier.de/magazin/geopolitik/strategien/griff-nach-der-weltmacht>. — Datum des Zugangs: 12.12.2014.

Литвин Алексей Михайлович

Институт истории НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

БЕЛАРУСЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ УЧАСТИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Известие о вступлении России в войну было воспринято населением белорусских губерний неоднозначно. Документы свидетельствуют, что в первые месяцы в ряде городов и местечек Беларуси прокатилась волна манифестаций в поддержку войны. Тем самым местная буржуазия и дворянство спешили выразить свою поддержку Николаю II и его правительству. Одновременно развернулась кампания по организации материальной поддержки войне со стороны населения. Более сдержанно восприняло войну белорусское крестьянство.

На территории белорусских губерний к началу войны дислоцировались войсковые соединения Варшавского и Виленского военных округов.